Либо погибнуть на поле боя, либо умереть в послевоенном военном трибунале.

Но он всё-таки одержал победу.

Переломил ход битвы в самый опасный момент и добился величайшей победы.

— Я всегда был так любопытен, Сичель…

Финоц сошел с кровати и остановился перед Сичелем.

Он приподнял подбородок самки-инсектоида, заставляя это суровое и глубокое лицо смотреть на него. На шее инсектоида еще виднелись несколько отпечатков пальцев — следы удушения, которые никак не проходили.

Белые чистые кончики пальцев скользнули по подбородку вниз, опустились на кадык и медленно замерли на этом маленьком пятнышке.

— Почему ты выбрал меня?

Эту фразу Финоц уже задавал однажды — тогда, когда Сичель сам разыскал его и предложил сотрудничество.

Ответ Сичеля в тот момент заключался в том, что он разругался с Первым принцем Карлосом.

Финоц вовсе не удивился.

Тот старший венценосный брат всегда отличался мелочностью и ненавидел любого, кто смел ему перечить.

Возможно, вспыхнула ссора, а может, прозвучало всего лишь возражение, но Сичель проявил непокорность, и Карлос больше не смог его терпеть.

А у Сичеля были и амбиции, и достаточная решимость.

Совершенно нормально, что, обнаружив неспособность Финоца оказать ему поддержку, а затем поняв, что Первый принц больше не доверяет ему, он без малейших колебаний переметнулся на другую сторону.

Всё логично и обоснованно, нечего и ставить под сомнение.

Тогда Финоц принял это объяснение и больше никогда о нем не спрашивал.

Вплоть до нынешнего момента.

Быть может, воспоминания, принадлежащие этой жизни, стали такими же далёкими, как и в прошлой, — сам того не ведая, Финоц вдруг снова захотел задать этот вопрос.

— Ответь мне, — он приподнял подбородок инсектоида.

Дыхание Сичеля едва заметно прервалось. Постоянная метка была завершена, его тело теперь принадлежало Финоцу и отчаянно жаждало феромонов своего господина, но так и не получало их.

Чрезмерная томительная жажда делала его исключительно восприимчивым к приближению Финоца, и стоило тому лишь вот так легко прикоснуться, как по телу помимо воли начинала пробегать дрожь.

С усилием сглотнув, Сичель посмотрел на юношу перед собой и хрипло произнес:

— Вы… нуждались во мне.

— …

Финоц сохранял бесстрастное выражение лица, а мгновение спустя внезапно усмехнулся.

— Нуждались.

Медленно повторил он.

Совсем не похожие на прежний ответ слова.

Но разве это можно назвать ответом?

— Напомнить тебе, варьирующий маршал?

Уголки губ Финоца изогнулись, но в глазах не было и следа веселья.

— Когда меня заперли в тюрьме, и я изо всех сил старался добиться встречи с тобой, что ты мне сказал?

На мгновение выражение лица Сичеля застыло.

Финоц холодно усмехнулся, чеканя каждое слово:

— Ты сказал: не смей больше преследовать меня, от тебя уже нет никакой толку. Разве плохо посидеть тихо в тюрьме и ждать ссылки? Почему тебе вечно нужно куда-то бежать? Какая же ты обуза.

— Помнишь ли ты то, что говорил, Маршал Сичель?

Губы Сичеля едва заметно дрогнули, и он тихо произнес:

— …Помню.

— Так, может, теперь ты скажешь мне, что всё это было неправдой? Что ты никогда от меня не отказывался? — с усмешкой протянул Финоц.

— …Это была правда.

— Но я… никогда не думал о том, чтобы… ух!

Острые ментальные шипы вонзились прямо в мозг, речь рыжеволосой самки-инсектоида резко оборвалась. Зрачки затрепетали, лицо от невыносимой боли побелело, а дыхание сбилось.

— Не думал? Ха.

Финоц презрительно фыркнул, и его лицо помрачнело.

— Что ты за существо, мы оба прекрасно знаем. Такие слова сойдут, если говорить их кому-то на стороне, но не пытайся обмануть хотя бы самого себя.

Он тронул уголки губ едва заметной, невесомой улыбкой, однако его синие глаза напоминали лишённое света глубокое море — мрачное и бездонное.

Пальцы, сжимавшие подбородок, медленно усилили хватку, побелев от напряжения.

— Не испытывай моего терпения, понял? Главный супруг-самец.

У рыжеволосой самки-инсектоида на лбу выступил холодный пот. Лишенные краски губы несколько раз шевельнулись, прежде чем из них с трудом вырвалось:

— …Слушаюсь… Ваше Величество…

— Какой послушный, — с издевательской улыбкой произнес Финоц.

Он разжал пальцы, легко похлопал инсектоида по щеке, поднялся на ноги, бросил на него презрительный взгляд и хмыкнул:

— Запомни: в следующий раз придумай ложь получше, прежде чем снова пытаться меня обмануть.

Отвернувшись, он стер с лица подобие улыбки и холодно зашагал к выходу.

Распахнул двери тронного зала и вышел вон.

Тяжелые резные створки закрылись за его спиной. Все звуки позади — дыхание Сичеля, удары его сердца, любые признаки жизни — оказались отрезаны, полностью отделив инсектоида от него.

Он больше не ощущал ни малейшего отзвука.

Шаги внезапно замерли. В груди Финоца сжалось от боли. Он поднял голову: перед ним тянулся светлый коридор, стены украшали гобелены, у подножия стояли вазы, а неподалеку то и дело дежурили слуги.

Казалось бы, вокруг вовсе не пусто и не одиноко, но почему-то ему вдруг стало невероятно пусто на душе. Пусто настолько, будто всё вокруг безвозвратно отдалялось от него.

Ни звуков, ни признаков жизни — повсюду клубилась холодная, мертвящая пелена, такая пустая, что казалось, будто в следующее мгновение она его поглотит.

В голове снова запульсировала боль, волны разрывающей ткани коры головного мозга судорожно накатывали снизу, словно бесчисленные острые лезвия кромсали его изнутри.

— …Ваше Величество? — с беспокойством окликнул его стоявший рядом слуга.

Финоц прикрыл глаза, его лицо слегка побледнело. Игнорируя вопрос слуги, он отдал хриплым голосом распоряжение:

— Пусть начальник стражи явится ко мне в кабинет.

После чего двинулся вперед.

…

По ту сторону тяжелых резных дверей.

У круглой кровати стоявший на коленях рыжеволосый инсектоид шевельнулся и слегка приподнял голову.

Органы чувств самок-инсектоидов чрезвычайно остры, а особи S-класса превосходили всех прочих — разделить их преградой всего лишь в одну дверь не составляло труда, и расслышать разговор снаружи не представлялось никакой сложности.

Произнесенное слугой Ваше Величество прозвучало отчетливо, и скрытая в интонации забота была более чем очевидна. Даже пройдя сквозь глушь массивной двери, эти слова без малейших задержек достигли слуха инсектоида.

Он задрал голову, глядя на створки, прислушиваясь к звукам снаружи, пока знакомые шаги не стихли вдалеке. Прислушавшись повнимательнее и определив, что в уходящих шагах не чувствовалось заметной слабости — поступь оставалась такой же ровной, как прежде, — он наконец снова опустил голову.

Рыжеволосый инсектоид так и остался неподвижно стоять на коленях, а его высокое, крепкое тело казалось безмолвной, угрюмой и одинокой горной вершиной.

Он тихо стоял на коленях, но спустя мгновение его тело судорожно задрожало на доли секунды, и он яростно впился ногтями в ладони, силой пресекая дрожь.

Закрыв глаза, он глубоко вздохнул и с силой выдохнул воздух.

Драть перестало, однако ладони сжались еще сильнее, а дыхание сделалось тяжелым и прерывистым.

Широкие полосы черных инсектных узоров стали медленно проступать у него на затылке и спине: замысловатые рисунки казались на редкость тусклыми, словно оружие, долгое время лишенное ухода и смазки, покрытое пепельным налетом.

Кожа вокруг инсектных узоров тоже начала меняться, слегка покраснев, будто подвергаясь воздействию огня.

Тело рыжеволосого инсектоида вновь забилось в мелкой дрожи. Зажмурив глаза и покрывшись испариной, он напряг до предела мощные мускулы, словно превозмогая запредельные муки.

Стиснув зубы и до боли сжав кулаки, он отчаянно пытался взять дыхание под контроль.

Долгое время спустя инсектные узоры медленно растаяли, исчезнув под кожей. Высокий инсектоид выглядел так, будто его только что вытащили из воды — с головы до ног покрытый потом, с насквозь промокшими рыжими прядями, чьи растрепанные концы свисали по бокам лица.

Побледнев, он открыл глаза, медленно поднял голову и уставился на резные двери, словно пытаясь разглядеть что-то сквозь преграду.

Губы беззвучно зашевелились, безмолвно произнеся несколько слов. Рыжеволосый инсектоид слегка опустил взгляд, крепко сжал губы и снова опустил голову.

Глава 5

Войдя в кабинет, Финоц почувствовал, что тупая боль в голове по-прежнему не утихает.

Опустившись в кресло с подлокотниками и прислонившись спиной к спинке, он с силой сдвинул брови и принялся массировать переносицу.

Вскоре прибыл начальник стражи.

Услышав стук, Финоц открыл глаза и убрал руку:

— Войдите.

Начальник стражи Граф толкнул дверь, переступил порог и, отдав честь, произнес:

— Ваше Величество, вы звали меня?

Начальник стражи Граф в прошлом возглавлял личную гвардию предыдущего Императора Насекомых — отца Финоца, а впоследствии был приставлен к нему для охраны.

Этот инсектоид отличался исключительной проницательностью, грозными боевыми навыками, а подчиненные ему военные самки насекомого все до единого были отборными бойцами. Даже в период ожесточенной борьбы за трон он неизменно надежно защищал Финоца.

Будучи одним из самых полезных и преданных подчиненных Финоца, он пользовался его глубоким доверием.

Финоц утвердительно хмыкнул и поинтересовался:

— Карлос еще жив?

Граф почтительно ответил:

— Жив. Согласно вашему прежнему приказу, он заперт в подземелье, только…

Он замялся на секунду.

— …Он требует встречи с вами и говорит много… неподобающих вещей.

Неподобающих вещей?

В душе Финоца мелькнула насмешка: наверное, проклинает его.

Лицо его осталось бесстрастным:

— Отнесите ему поесть — хватит и питательного раствора, а если не станет есть, влейте насильно. Кроме того, тихо пустите слух о том, что он все еще жив, используйте тайные каналы, только не привлекайте лишнего внимания.

Сделав паузу, он дважды постучал пальцами по столешнице и задумчиво произнес:

— А еще передайте министру императорского двора, что королевское торжество переносится на более ранний срок — оно пройдет через неделю. Пусть поторопится с подготовкой.

Граф заколебался:

— Ваше Величество, вы хотите выманить мятежников с помощью Первого принца? Но разве это… не слишком рискованно?

Мятежников было не так уж много, но и немало. Если их все стянутся сюда, во время церемонии соберется толпа, начнется суматоха… Что, если Ваше Величество случайно пострадает?

Финоц холодно обронил:

— Не пострадает. Тех мятежников, что способны явиться, наберется не так много, я дополнительно распоряжусь с Юлием, генерал-майором Центрального легиона, чтобы он оказал содействие в обеспечении безопасности.

Мятежники уже сбежали в Звездную систему Олифа, путь предстоял неблизкий, а Военное ведомство перекрыло все подступы. Даже за целую неделю, если кто-то и сумеет прорваться, это будут лишь единичные главари.

Да и расправляться Финоц собирался вовсе не с ними.

После поражения Первый принц Карлос официально считался погибшим, но на деле его просто упрятали за решетку.

Финоц вовсе не планировал позволить Карлосу умереть так легко, однако, к несчастью, в этот период прошлой жизни у него слишком часто случались приступы мигрени, настроение скакало, выходя из-под контроля, и в порыве раздражения он ненароком свел Карлоса в могилу.

http://bllate.org/book/32507/3970310